

чувствъ между тѣми, кому суждено рано или поздно вмѣстѣ и дружно работать надъ общимъ дѣломъ созданія великой народной федераціи Россіи.

* * *

Настоящая замѣтка была уже набрана, когда получились первыя извѣстія, требующія еще подтвержденія, о переходѣ совѣтскихъ войскъ въ наступленіе противъ Грузіи.

Мы не скрываемъ своей отрицательной оцѣнки антирусскихъ тенденцій грузинскаго правительства, считая ихъ опасными для будущихъ русско-грузинскихъ отношеній. Но нужно-ли говорить, что въ настоящемъ столкновеніи, въ которомъ нападающей стороной являются большевики, наши симпатіи и сочувствіе всецѣло на сторонѣ грузинскаго народа, защищающаго въ неравной борьбѣ съ совѣтскимъ империализмомъ свои вольности и національную культуру.

В. Р.

Проф. Н. Устряловъ. — «ВЪ БОРЬБѢ ЗА РОССИЮ».

Издат. «Окно». — Харбинъ. 1920.

Названная книжка представляетъ изъ себя сборникъ статей, написанныхъ авторомъ послѣ паденія правительства адм. Колчана, которое онъ «поддерживалъ, какъ могъ, до послѣдней минуты его существованія». Авторъ рекомендуетъ въ предисловіи: «въ политической жизни я принималъ участіе въ качествѣ предсѣдателя «восточнаго отдѣла центрального комитета» партіи народной свободы, редактора газеты «Русское дѣло» и одного изъ руководителей Русскаго Бюро Печати», — игравшаго въ Сибири, надо пояснить, — роль южнорусскаго «Освага». Н. Устряловъ не забываетъ упомянуть о томъ, что противники слѣва называли его «теоретическимъ столпомъ омскаго разбоя»; а въ Харбинѣ созданъ даже особый, производный отъ его имени политическій терминъ — «устряловщина».

«Устряловщина», по мнѣнію г. Устрялова, есть «попытка отвѣта на роковой вопросъ»: «на что надѣяться и что дѣлать націоналистамъ Великой Россіи, желающимъ до послѣдней минуты, до послѣдней возможности остаться вѣрными себѣ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ» (стр. 66).

Книжка Устрялова, дѣйствительно, даетъ яркій примѣръ того, до чего можетъ дойти «сознательный русскій националистъ и патріотъ», твердо рѣшившійся «не останавливаться ни передъ чѣмъ»...

Вышедшій всего три года тому назадъ на бой не столько противъ большевиковъ, сколько противъ революціи и демократіи, недавній идеологъ «колчаковщины» нынѣ пишетъ:

«Ясно, что худшіе дни миновали, что революція изъ силы разложенія и распада стихійно превращается въ творческую и зидательную національную силу...

Намъ естественно казалось, что національный флагъ и «Коль славенъ» болѣе подобаютъ стилю возрожденной страны, нежели красное знамя и «Интернаціональ». Но вышло иное... Пусть это странно и больно для глаза, для уха, пусть это коробить, — но въ концѣ концовъ, въ глубинѣ души невольно рождается вопросъ: Красное-ли знамя безобразить собою Зимній Дворецъ или, напротивъ, — Зимній Дворецъ красить собою красное знамя? «Интернаціональ»-ли нечестивыми звуками оскверняетъ Спасскія Ворота или Спасскія Ворота кремлевскимъ вѣніемъ влагаютъ новый смыслъ въ «Интернаціональ»? (стр. 6 - 7).

«Съ точки зрѣнія русскихъ патріотовъ, русскій большевизмъ, сумѣвший влить хаосъ революціонной весны въ суровья, но четкія формы своеобразной государственности, явно поднявшій международный престижъ объединяющейся Россіи и несущій собою разложеніе нашимъ заграничнымъ друзьямъ и врагамъ, долженъ считаться полезнымъ для данного періода факторомъ въ исторіи русскаго національнаго дѣла» (стр. 12).

«Теперь антибольшевиетскіе элементы старой формации растворились въ новой русской атмосферѣ, «отмѣняются» въ высшемъ синтезѣ всѣ категоріи нашей гражданской войны, утрачивается мало-по-малу противоположеніе «бѣлой» и «красной» Россіи, уступая дорогу давножданной «Россіи просто»... (стр. 39).

«Чѣмъ скорѣе исчезнутъ съ лица Россіи послѣдніе очаги организованнаго повстанчества, послѣ Омска и Екатеринодара утратившіе всякій положительный смыслъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ обезпечено дѣло нашего національнаго возрожденія, о которомъ мы всѣ мечтаемъ. Путь въ Каноссу, такимъ образомъ, окажется путемъ въ Дамаскъ» (стр. 63).

«Красный империализмъ есть послѣдній крикъ русскаго великодержавія» (стр.66). И т. д. И т. п.

Этихъ нѣсколькихъ цитатъ, думается, достаточно для того, чтобы получить представленіе о существѣ и ароматѣ «устряловщины». Предвидя, что онъ можетъ показаться перевертнемъ, Устряловъ предупредительно забѣгаетъ впередъ: «не мы, а жизнь повернулась «на 180 градусовъ». Въ этихъ почти по-коперниковски звучащихъ словахъ правильно отмѣчена та черта «устряловщины», которая при всѣхъ обстоятельствахъ жизни заставляеть ее остаться вѣрной самой себѣ.

Устряловъ — не единичное явленіе. Это, можно сказать, цѣлое теченіе общественно-политической мысли Россіи, которое возникаетъ періодически, въ моменты упадка и разложенія. Вспомните извѣстныя слова изъ «Вѣхъ» —: «Намъ не только нель-

зя мечтать о сліянні съ народомъ, — бояться его мы должны пуше всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной». И сопоставьте ихъ съ новѣйшей аранжировкой Устрялова: « Не расшатывать существующую власть передъ лицомъ угрожающей анархіи должна русская общественность, а укрѣплять эту власть, влиться въ нее, дабы спасти государство, себя и «народъ», который въ переходящей ярости своей, подобно библейскому Самсону, готовъ погубить душу свою вмѣстѣ съ филистимлянами» (стр. 70). Итоги сопоставленія очевидны: и тутъ, и тамъ полное невѣріе въ народъ; и тутъ, и тамъ — отъ традицій, заповѣданныхъ еще апостоломъ Павломъ: готовность преклониться передъ *всякой* властью, ибо нѣтъ власти — ни царской, ни комиссарской — аще не отъ Бога; ибо всякій, не повинующійся власти, хотя бы и совѣтской, противится велѣнію Господнему и заслуживаетъ вѣчнаго осужденія. Отсюда — естествененъ и призывъ къ лояльности въ отношеніи къ властямъ предержанимъ. Устряловъ наставительно поучаетъ: «Кадетскимъ идеологамъ не мѣшало-бы все-таки вспомнить старыя схемы и концепціи. Право-же, многія изъ нихъ не такъ уже устарѣли. И особенно тотъ мудрый духъ «государственной лояльности» и эволюціонизма, который по справедливости былъ фундаментомъ этой партіи, нынѣ крайне нуждался бы въ нѣкоторой реставраціи.

Бойтесь, бойтесь романтизма въ политикѣ. Его блуждающіе огни заводятъ лишь въ болото»...

Н. Устряловъ принадлежитъ къ той «школѣ» московскихъ ученыхъ и публицистовъ, которые стали группироваться вокругъ, такъ назыв., «сѣздовъ общественныхъ дѣятелей» еще наканунѣ выступленія ген. Корнилова. «Русскія Вѣдомости», «Утро Россіи», «Наканунѣ» стали излюбленными органами, гдѣ, послѣ разгона Учредительнаго Собранія, стали съ особымъ усердіемъ записываться «пересмотромъ идеологій» и «народолюбческихъ увлеченій беспочвенной русской интеллигенціи» — проф. П. И. Новгородцевъ, Бѣлоруссовъ, проф. В. М. Устиновъ, И. А. Ильинъ и изъ менѣ крупныхъ — Н. Н. Алексѣевъ, Н. Устряловъ, Ю. Ключниковъ и другіе. Именно тогда «Русскія Вѣдомости» напечатали: «нельзя одновременно служить божественному принципу отечества и культуры и мамонтъ демократическихъ доктринъ и лозунговъ»; «хорошая вещь народовластіе, но и его надо примѣнять во благовременія и съ разумѣніемъ». Тогда-то и Устряловъ, до того писавшій лишь популярныя и благонамѣренныя брошюры о томъ: «Что такое Учредительное Собраніе» и «Отвѣтственность министровъ», нашелъ, что «послѣ злополучнаго опыта выродившагося абсолютизма и послѣ еще худшаго опыта «демократической»

республики» надо поискать «истинный путь національнаго возрожденія Россіи».

И въ то время, какъ одни профессора въ поискахъ этого пути направились на югъ и стали пробовать возрождать Россію чрезъ Особое Совѣщаніе ген. Деникина (проф. Новгородцевъ), чрезъ «Освагъ» (проф. Соколовъ, Ленскій, Гриммъ и т. д.) и «Великую Россію» (проф. Струве, Алексѣевъ), другіе — Бѣлоруссовъ, Ключниковъ, Устряловъ — занялись столь-же плодотворной практической дѣятельностью на сѣверо-востокъ, въ Сибири. Результатъ, какъ извѣстно, и тутъ, и тамъ, оказался одинъ и тотъ же. Нѣкоторый разнობой получился лишь въ заключительномъ аккордѣ.

Еще проф. Алексѣевъ въ послѣднихъ номерахъ «Великой Россіи» въ тысячу первый разъ дописывалъ: «среди многихъ идоловъ, поклоненіе которымъ погубило русскую интеллигенцію, однимъ изъ самыхъ главныхъ является идолъ демократизма... Весь міръ объять нынѣ безуміемъ демократизма. Мы вѣримъ, безуміе это пройдетъ. Придетъ время, и міръ оцѣнитъ положительную силу антидемократическихъ, спажемъ прямо, реакціонныхъ теорій». А въ это-же время, вдохновляемый тѣмъ-же реакціонно-патріотическимъ эросомъ, его сибирскій коллега успѣлъ уже перемѣнить своего господина и свою прежнюю компанію противъ демократіи повелъ уже не во славу адмиральской диктатуры, а во имя «краснаго имперіализма»...

И это было вполне естественно, ибо *павосъ* остался прежній: — непоколебимая вѣра въ диктатуру, бѣлую или красную — безразлично, но въ диктатуру, какъ методъ и какъ цѣль, и стихійное, неистребимое недовѣріе къ народу. Въ этомъ объясненіе, — почему, когда на востокъ или югъ мечтаютъ о Великой Россіи, всегда одинаково имѣли въ виду не творчество или гений великаго народа, а «геніальность» удачливыхъ императоровъ, диктаторовъ или комиссаровъ.

Еще до устряловщины возникла въ совѣтской Россіи «грескуловщина». Въ отношеніи къ родоначальнику послѣдней, тоже профессору, «жизнь повернулась» также не на одинъ десятокъ градусовъ. Отъ протопоповской «Воли Россіи» къ совѣтскимъ «Извѣстіямъ» и отъ нравственнаго возмущенія терроромъ революціонеровъ, какъ «убійствомъ изъ-за угла, втайнѣ приготовленномъ и предательски осуществленномъ», къ столь-же нравственной проповѣди о сліянніи интеллигенціи съ террористической властью, — дистанція не малаго размѣра. Однако, по сравненію съ «устряловщиной», — и «грескуловщина» приобрѣтаетъ положительныя черты...

Грескулы не боролись вчера противъ тѣхъ, къ кому они призываютъ итти на помощь сегодня. Устряловы съ такимъ-же азартомъ боролись противъ большевиковъ вчера, какъ беззавѣтно

готовы служить имъ сегодня. Гредескулы и Брусилоры капитулировали, находясь «на томъ берегу», въ царствѣ смерти, — Устряловы предалися на сторону «краснаго империализма» изъ приличнаго «далека». Чувствительные и педалетіе Гредескулы задаются мучительнымъ лишь для нихъ и по существу безплоднымъ вопросомъ: «почему это интеллигенція, носительница вѣчныхъ идеаловъ равенства и братства, въ трагическій для народа моментъ отъ него «отвернулась»? Устряловы же поютъ осанну совѣтской власти и, какъ могутъ, способствуютъ ея признанію, питая вредную, широко распространенную на Западѣ — отъ Ллойдъ-Джорджа и Уэльса и до L'Humanité — унизительную для русскаго народа легенду о томъ, что власть въ Россіи возможна либо царская, либо большевистская.

«Гредескуловщина» порождена нуждой, чувствительностью, недомыслиемъ. «Устряловщина» — гораздо болѣе низменнаго происхожденія. Ее создала та-же психологія, которая заставляетъ тѣхъ-же самыхъ людей — при измѣнившихся, даже не на 180 градусовъ, внѣшнихъ обстоятельствахъ — то тянуться къ чужимъ физиономіямъ, то подобострастно припадать къ ихъ-же «ручкѣ».

Щедринъ далъ красочное описаніе этихъ людей.

Маркъ Вишнякъ.

Francis Delaisi.—LE PETROLE. Payot. Paris. 1921. 156.

Драматическимъ парадоксомъ войны является созданіе могущественнаго американскаго флота. Казалось, что война устранила единственнаго конкуррента Англии на морѣ, послѣ того какъ военныя и торговыя суда Германіи погибли или были распределены между союзниками. Но та-же война, которая уничтожила единственнаго соперника Англии на морѣ — германскій флотъ, создала другого, вдвое болѣе могущественнаго, флотъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

Въ прямой связи съ этимъ вопросомъ о зародившемся англо-американскомъ соперничествѣ на морѣ стоитъ вопросъ объ англо-американскомъ соперничествѣ въ области контроля надъ мировыми нефтяными богатствами.

Вопросу этому посвящена вышедшая у Пайо книга Делэзи: «Нефть». Если не считать нѣсколько полемическаго характера этой книги, направленной противъ захватной политики Англии и пассивной политики Франціи, книга Делэзи является краткимъ,